
ДОХА, КОЧМА И КАРТОШКА: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОД ЭПИСТОЛЯРНОГО ДИСКУРСА

Н.А. Калёнова

Кафедра компьютерного инжиниринга
и международных образовательных программ
Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет
ул. Академическая, 6, Волгоград, Россия, 400074

В статье проанализирована специфика когнитивно-прагматического кода эпистолярного дискурса.

Ключевые слова: частное письмо, эпистолярный дискурс, когнитивно-прагматический код.

Эпистолярная коммуникация все чаще становится объектом исследования современной лингвистики (Н.А. Ковалёва, О.П. Фесенко, А.В. Белова, В.М. Блинохватова, А.М. Дубинина, Т.Н. Кабанова, А.П. Кирьянова, О.Ю. Подъяпольская, Ю.В. Синеокая и др.). Следуя пониманию дискурса в работах Н.Ф. Алефиренко, Е.С. Кубряковой, К.Ф. Седова, В.З. Демьянкова, Р.М. Фрумкиной и других лингвистов, считаем, что эпистолярный дискурс — это триединство текста частного письма (в его структурной и содержательной специфике), комплекса экстралингвистических факторов (охватывающих процесс и условия создания текста письма, того информационного блока, над которым строится когнитивная структура письма); коммуникативно-прагматических координат частного письма как акта коммуникации. Внимание к эпистолярному дискурсу как особой форме объективации знания, которым адресант владеет и намеревается поделиться с адресатом, находится в русле когнитивно-прагматической субпарадигмы языка, которая «сосредоточилась на личностных и социальных сторонах деятельности автора и реципиента. Стало ясно, что реализация и интерпретация определенных стратегий речевого общения не могут осуществляться без учета многообразных личностных и социокультурных аспектов коммуникативного процесса» [2. С. 17].

Рассматривая языковую единицу как когнитивно-прагматический код эпистолярного дискурса, необходимо обратиться к когнитивно-дискурсивной основе вербального знака. Этот блок включает не только денотативную информацию, часто лексикографически зафиксированную, но и дискурсивную. Этот знак тесно связан с коммуникативным пространством охватывающим всю эпистолярную коммуникацию, личное общение, если оно имело место в период эпистолярного диалога. Языковая единица рассматривается нами как некий код, ключ к информации, которую объективирует адресант для воздействия на адресата.

Когнитивно-семантическое образование, включаемое в структуру эпистолярного дискурса, может быть знакомо как адресанту, так и адресату. В таком случае языковая единица несет одинаковый объем информации для обеих сторон коммуникации, так как речь идет об основных характеристиках, которые известны адресанту и адресату, что обеспечивает успешную коммуникацию. Безусловно, некоторые различия в виде ассоциативных, эмотивно-оценочных компонентов в ин-

дивидуальных концептах, объективируемых данной языковой единицей, нельзя отрицать. Вот как В.И. Суриков описывает маме и брату свою поездку:

«Милые мамаша и Саша! Вчера, 14-го числа, я приехал с Лавровым в Томск, и остановились в великолепной гостинице. Ехали мы очень хорошо и без всяких приключений и не мерзли, потому что в первые дни холод был не очень сильный и я укутывался вместе с Лавровым *дохою и кочмами*, а приехавши в город Мариинск, мы купили с ним еще *доху*, в которой я теперь еду до самого Питера; *доха* эта очень теплая, ноги не мерзнут, потому что укутываем их кочмами... *Кошева* у нас большая, и едем на тройку и четверку» (П.Ф. и А.И. Суриковым, 15 декабря 1868 г., Томск).

Отсутствие пояснений к выделенным языковым единицам подтверждает уверенность автора письма в том, что адресаты его поймут, что им известны значения этих единиц. Доступность этого кода можно проверить. Проведем небольшой эксперимент. Испытуемым разных возрастных и социальных категорий требуется пояснить значения слов «доха», «кошма» (в авторском употреблении «кочма»), «кошева» сначала без опоры на контекст, затем с учетом контекста. Те же экспериментальные этапы прошли иностранные студенты 2-го — 3-го курсов Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета из Ливана, Сирии, Палестины, Турции, Афганистана и Вьетнама. Они не смогли дать ответ на вопрос первого этапа эксперимента, но с опорой на контекст назвали признаки определяемых языковых единиц: *доха* — ‘теплое’, ‘одежда’; *кошма* — ‘теплое’, ‘покрывало’; дать толкование лексеме «кошева» они не смогли даже с опорой на контекст. Ответы иностранных студентов и многих русскоязычных испытуемых практически не отличались. Знание о том, что означают предложенные в эксперименте лексемы, отсутствовало у реципиентов, как и у носителей иной культуры (в эксперименте приняли участие жители Астраханской и Волгоградской областей, а потому могут быть отличия у реципиентов других регионов).

Механизмы декодирования когнитивно-семантической структуры и их универсальность проявляются на втором этапе эксперимента. Обратим внимание на то, что реципиенты старшего поколения практически не испытывали затруднений уже в ходе первого этапа эксперимента при пояснении лексем «доха» и «кошма» (при этом затруднялись пояснить значение лексемы «кошева»). На наш взгляд, это связано с пересечением социолингвистических факторов (в аспекте тех социальных, образовательных параметров, повлиявших на знание / незнание определенного вербального кода), психолингвистических (особенно роль психокогнитивных процессов декодирования значения неизвестной ранее единицы с опорой на ее окружение), лингвокогнитивных (взаимосвязь способов вербализации концептов и концептосфера конкретной языковой личности) и др.

Обратимся к словарным дефинициям: *дохá* — уральское, от калмыцкого *дахэ* шуба мехом наружу, шуба на меху и с верхом из меха, зимняя просторная одежда с широкими рукавами и большим воротником, сшитая мехом наружу. Можно предположить, что лексема «доха» — выходящая из употребления единица, однако находим:

«В небеса гляжу / и мне не спится. / Выхожу курить, / надев *доху*. / Облако метилового спирта / тихо проплывает наверху» [3].

Лексема «кошма» широко употреблялась в обрядовой культуре Астраханского края: «Во время обсуждения, которое называлось „ладиться ценой“ (в селах Черный Яр, Поды, Ступино, Каменный Яр), а результатом обсуждения должны были стать деньги „на стол“ (с. Вязовка) или „калым“ (с. Каменный Яр) с жениха требовали: *кошму* вяленую, шубу, зеркало (с. Каменный Яр), невесте на платье, туфли, кровать, *кошму* (с. Черный Яр); шубу овечью, *кошму*, сундук, 100 рублей, платье к венцу (хутор Бундин)» (свадебный обряд). Валяние кошмы — традиционное ремесло, распространенное на территории Володарского и Красноярского районов Астраханского края, а также у калмыков. Кроме того, кошма — культовый артефакт в ритуале «поднятия хана» у казахов. На верхушке холма застилали белую кошму, на которую сажали избранного хана лицом в сторону Мекки. Трижды поднимали хана на кошме, что означало прилюдное, официальное утверждение его ханом [7]. Диахронический аспект развития когнитивно-дискурсивной базы лексемы «кошма» неактуален для носителя языка, но знания о семантических признаках лексем у них были, что они и продемонстрировали в эксперименте.

Лексема «кошева» не была известна участникам эксперимента, более того, с опорой на контекст реконструкция значения лексем была затруднительной для реципиентов. Контекст «*Кошева* у нас большая, и едем на тройку и четверку» оказался неинформативен для реконструкции значения по ближайшему семантическому окружению. *Кошева* — широкие и глубокие сани с высоким задком, обитые кошмой и рогожей; словарные дефиниции содержат пометы *обл.*, *местн.*

Обратим внимание, что автор письма, двадцатилетний В.И. Суриков, будущий великий русский художник, пишет письмо, совершая путешествие из родной ему Сибири (г. Красноярск) в Санкт-Петербург. Использование единицы «кошева» без пояснений свидетельствует о том, что автор уверен в доступности для адресата используемого им кода. Успешность процесса декодирования сообщения обеспечивается выбором адекватного кода. Ср.:

«Неделя эта пролетела для меня незаметно. Сидишь, читаешь какие-нибудь маклерские книги, счета нотариусов, разбираешь планы генерального межеванья... Поднимешь вдруг голову: красивый *суряк* с тремя надутыми полосатыми парусами шибко идет вверх по Волге, за ним другой, там третий... Вы не знаете, может быть, что такое *суряк*. Речные суда имеют пропасть различных форм и названий. Есть тихвинки, мокшаны, расшивы, гусянки, суряки, барки и пр. *Суряк* не очень велик, но водоходно устроен, барки и мокшаны, кажется, плоскодонные» (С.И. Аксаков родным, 13 июня 1849 г., Ярославль).

С.И. Аксаков по служебным делам находился в Ярославле, куда приехал из Москвы. Он замечает колоритные детали местного быта, неизвестные ему слова и т.д. Используя в письме языковую единицу для описания увиденного, он считает необходимым дать соответствующие пояснения. Лексема «суряк» для адресатов не имеет той когнитивно-дискурсивной базы, которая необходима для адекватного декодирования сообщения. Но и адресант, кодирующий информацию, сам, возможно, не владеет полными и подробными сведениями о номинируемом объекте. *Красивый, надутые полосатые паруса, шибко идет, речное судно небольшое*

(по сравнению с другими многочисленными речными судами) — такие элементы когнитивно-семантического знака «суряк» объективирует адресант. Можно заметить, что помимо денотативного слоя автор письма объективирует и индивидуальные эмотивно-оценочные смыслы (*красивый*). В справочных источниках *суряк* — *твер.* западный ветер, от Суры; Сурское суденышко; тип сплавного грузового судна, применявшегося до начала 20 в. на реке Сура (отсюда название), Ветлуге, Волге и др. Имел постепенно сужающееся к корме и носу дно, вертикальные борта; длиной 20—30 м, шириной 8—12 м, осадка — 1,5 м. Суряки строились из соснового и елового леса без металлических креплений, вместо которых применялись начели (деревянные гвозди). В 1830 г. стоимость одного суряка составляла 3 тыс. руб. Суряки загружали преимущественно хлебом и спиртом, двигались они по течению реки. Грузоподъемность — 12—15 тыс. пудов. На небольших реках (в том числе на Суре) использовались до наступления межени. На Волге судно ходило до Астрахани не только по течению, но и против (с участием бурлаков) [4]. Таким образом, в письме В.И. Сурикова используется код, доступный участникам коммуникации, а в письме С.И. Аксакова доступность кода для адресата обеспечивается пояснениями, включающими как апелляцию к денотативному слою когнитивно-семантической структуры языкового знака, так и эмотивно-оценочные смыслы.

Когнитивно-семантическое наполнение кода может быть обусловлено культурой той или иной эпохи. Этот знак обладает мощным символическим потенциалом, включающим денотативную информацию и комплекс эмотивно-оценочных смыслов. В 1960-е гг. появилось концептуальное образование, получившее впоследствии наименование «картошка»: «„картошка“ в СССР — обиходное название организованных принудительных работ по уборке урожая городскими жителями, в основном студентами, школьниками, работниками государственных учреждений и армейскими частями. Даже если происходил сбор не картофеля, а других культур (свеклы, моркови, капусты), осенние сельскохозяйственные работы все равно называли „картошкой“» [5].

В эпистолярии находим объективацию этой концептуальной единицы, имеющей свою специфику:

«Эдик, привет, привет! Только что вернулся в Москву из *колхоза*, где мы работали на *картошке*. Деревня нам досталась очень подлая. Без одной гармошки, без магазина, без девок... Деревня была даже без петухов. Дожди шли непрерывно, и дул сильный ветер...» (Н.М. Рубцов Э.М. Шнейдерману, 21 сентября 1962 г., Москва).

Объективируемое в данном случае явление реальной действительности носило всеобщий характер, стало знаковым для характеристики того времени, поэтому необходимости пояснений нет. С другой стороны, показательны корректирующие элементы: *без гармошки, без магазина, без девок, без хорошей погоды*. Исключения этих элементов из концептуального образования выявляет его структуру, то есть «обычно» объективируемая реалья воспринимается именно так. Возможно, адресат и адресант эпистолярной коммуникации имели общий опыт, на основе которого сложилось представление о номинируемой реалии, тогда этот концепт имеет больше совпадающих элементов.

Комплекс эмотивно-оценочных смыслов имеет индивидуальный характер и простирается на оси от «+» до «-». Ср.:

«Поездка „на картошку“ — одно из приятных воспоминаний детства и студенческой молодости» [5];

«Кто из первокурсников Шуйского госуниверситета ни разу не ездил „на картошку“, тот не хлебнул настоящей сельской „романтики“. Разве может забыться запах печеных клубней с обгоревшей корочкой, пусть и чуть сыроватых внутри, но таких вкусных на свежем воздухе? А бесшабашные студенческие песни в переполненном, тряске автобуса? А по-особому сплоченное братство, чувство причастности к настоящему взрослому делу, когда каждому кажется, что там, на поле, именно без него и не справятся?» [1]

и строки стихотворения Константина Белого:

«Привезли класс на картошку, / шансов отвертеться нет. / Адский труд не понарошку, / сатана писал сюжет. // Поле больше километра, / еле-еле виден край. / И понуро сорок „негров“ / На карачках шпарят вдаль...»

Концепт «картошка» имеет индивидуальные ассоциативные смыслы. Из записей пользователя joeck_12 в LiveJournal узнаем:

«Места очень красивые там... До сих пор остался в памяти свежий запах утреннего сентябрьского воздуха, живописный берег Беседи и ослепительно красивые, багряно-золотые от осенней листвы холмы... Туман стелется по утрам... Да и вообще в 18 лет воздух пахнет как-то особенно сладко... Откосить от „картошки“ можно было, но это было не так легко. Надо ведь было придумать болезнь продолжительностью в 4—5 недель. Но для большинства студентов «картошка» вовсе не была каким-то наказанием, насколько я помню» (<http://joeck-12.livejournal.com/33690.html>).

В комментариях к статье читаем:

«В школе было прикольно ездить в трудовой лагерь, а вот в институте я страдала. Ездили мы на морковку, жили в бараке на нарах. Горячей воды не было, и погодка — дождь и ветер. Сушилка для одежды была, но за ночь там одежда не просыхала. У меня распухли суставы на всех пальцах, у многих кстати распухли... Не, никакой романтики не припомню» (provancal).

«Помню мамин рассказы про картошку. Сейчас, говорит она, вспоминается только забавное и веселое — разные посиделки-попойки у костра... Но на деле хорошего мало, и лично она мне такого „развлечения“ не желала бы — постоянная грязь, тяжести, скудная еда, сырые неуютные хаты... Кстати, кажется, призраки совка возвращаются и сейчас — в Витебской области тоже начали гонять студентов на сельхозработы, в том числе платников» (hagalazar_rain).

«Вот первый колхоз — это было холодно-противно (повезли в октябре), а второй-третий — это была даже не песня, курорт какой-то — сентябрь, ни одного дождя, 25—27 градусов тепла и море» (fatracoon).

Лексема «картошка» объективирует сложное когнитивно-дискурсивное образование, на базе которого формируется фразеологизированная единица «ездить (в колхоз) на картошку».

Следовательно, языковая единица как когнитивно-прагматический код пронизывает все элементы эпистолярного дискурса. Создаваемое в рамках определенных коммуникативно-прагматических координат, отражающих интенции адресанта, частное письмо как дискурс строится на основе мощного информационного блока. Чем ближе участники коммуникации знакомы, тем больше тот информационный блок, который содержит известные коммуникантам знания, результаты совместного жизненного опыта, знания о предшествующих акту коммуникации событиях в жизни собеседника. И тем богаче арсенал когнитивно-прагматических средств эпистолярной коммуникации, доступный ее участникам.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Абрамова В.* В колхоз, на «картошку» // Ассоциация аграрных журналистов: 18.09.2007. — URL: <http://www.agro-smi.ru/best/2061/> (Дата обращения 25.05.12)
- [2] *Алефиренко Н.Ф.* Когнитивно-прагматическая субпарадигма науки о языке // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: Сб. науч. тр. / Сост. И.Г. Паршина, Е.Г. Озерова. — М.: Флинта: Наука, 2011. — С. 16—27.
- [3] *Быков Д.* Божий спирт // Огонек. — 10—16 апреля 2006. — № 15 (4940).
- [4] *Мордовия: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. редкол.: А.И. Сухарев, В.А. Юрченков, П.П. Кузнецов и др. — Т. 2: М—Я. — Саранск, НИИГН при Правительстве РМ, 2004.*
- [5] *Русяева П., Зиганишина Н., Руднев Д.* Такая у нас натура // Профиль. — 11 декабря 2006. — № 46 (507).
- [6] Свадебный обряд верховьев Волжского правобережья Волго-Ахтубинской поймы: Черноярский район // Астраханская песня. Государственный фольклорный центр. — URL: <http://www.astrasong.ru/index.php/books/book/C37/> (Дата обращения 02.06.12)
- [7] *Сызранова А.В.* Этносы и этнические группы Астраханской области. Справочное пособие. — Астрахань: ОмЦ НК, 2008.

«DOHA», «KOCHMA» AND «KARTOSHKA»: COGNITIVE AND PRAGMATIC CODE OF EPISTOLARY DISCOURSE

N.A. Kalyonova

The chair of computer engineering and international educational programs
Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering
Akademicheskaya str., 1, Volgograd, Russia, 400074

The article analyses the peculiarity of the cognitive and pragmatic code of epistolary discourse.

Key words: private letter, epistolary discourse, cognitive and pragmatic code.